

ЗАГАДКА СУБЭДЭЙ-БАГАТУРА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ВЕРСИИ)

В.А. Злыгостев

THE MYSTERY OF SUBEDAY-BAGATUR: MYTHS AND REALITY (KEEPING THE TRACK OF ONE VERSION)

V.A. Zlygostev

Ключевые слова: Центральная Азия, Монгольская империя, Субэдэй-багатур, нарративные источники

Автор обращается к рассмотрению некоторых спорных исторических вопросов, связанных с жизнью и деятельностью великого полководца Чингисхана – Субэдэя-багатура (конец XII–начало XIII вв.), в пределах степей средневековой Монголии (Еке Монгол улуса) и за ее пределами. В частности, он демонстрирует, что метод сравнительного анализа текстов различных письменных источников позволяет уточнить сообщения средневековых хронистов, ошибочная информация из которых используется в работах современных отечественных историков-востоковедов.

Key words: Central Asia, the Mongol Empire, Subeday-Bagatur, narrative sources

In this article the author describes a number of disputable historical questions concerning the life and affairs of a famous Genghis Khan's commander Subeday-Bagatur (end of the XII – beginning of the XIII centuries) on the territory of Mongolian steppe (Ikh Mongol Uls) and beyond. In particular, he points that the method of comparative analysis of written sources allows specifying certain claims of medieval chroniclers that can be found in some articles of modern Russian scholars.

Одним из самых известных и старейших сподвижников Чингисхана, особо выделяющимся на фоне многочисленных и, безусловно, талантливых представителей монгольской воинской элиты, является знаменитый полководец Субэдэй-багатур. Вне всякого сомнения, личность Субэдэя, человека, которого по совокупности одержанных побед на поле брани следует считать одним из самых выдающихся военачальников в мировой истории, представляет особый интерес для круга исследователей, занимающихся изучением проблемы становления монгольского государства и превращения его в мировую империю. Однако помимо моментов, связанных с военной и дипломатической деятельностью Субэдэя, возникают вопросы несколько иного характера. Важнейший из них – вопрос о происхождении героя и его семье.

Свою задачу в данный момент мы видим в том, чтобы на основе сообщений средневековых авторов (монгольских, китайских, арабских, персидских), обратить внимание на спорные мо-

менты в жизни одного из самых прославленных «железных псов» Чингисхана.

В этой связи необходимо отметить, что в отечественной исторической традиции наибольшее развитие получила версия Р.П. Храпачевского, согласно которой существовало два Субэдэя. Один из них – Субэдэй «родом из обочка урянхай», который якобы и являлся знаменитым военачальником, и именно его, по мнению Р.П. Храпачевского, «часто путают¹ с урянхайским Чаурхан-Субеетай-баатуром, младшим братом Чжэлымэ» [Храпачевский, 2011. С. 172], то есть с полководцем, братом Джэлмэ, сыном Чжарчиудая, которого несколько поколений ученых-востоковедов считали (и считают) единственным реально существовавшим Субэдэем, героем «Сокровенного сказания». Далее автор версии о «раздвоении» Субэдэя, основываясь исключительно на сведениях, изложенных в китайской хронике «Юань ши»², и полностью им доверяя, буквально в нескольких строках пытается, насколько это возможно, убедительно доказать

¹ Необходимо заметить, что выражение «часто путают» в данном случае неуместно, хотя бы по той причине, что в суть вопроса никто в ученом сообществе и не вникал, а, следовательно, и «путать» указанные персоналии не мог.

² Ссылки на тексты «Сокровенного сказания», приводимые автором [Храпачевский, 2011. С. 172–173, сн. 96, 98, 104], очевидно, играют роль молчаливых свидетелей, «притянутых» в поддержку данных «Юань ши».

правильность своего видения проблемы. В частности, Р.П. Храпачевский пишет: «Чтобы понять, что это разные люди, достаточно двух фактов: 1) Чаурхан-Субеетай-баатур присоединился к Темучжину сразу после ухода последнего от Чжамухи, т.е. около 1186 г. (Субэдэю в это время около 10 лет, и он не мог иметь почетную приставку баатур к имени); 2) генеалогия Чжэлье и Чаурхан-Субеетай-баатура абсолютно не совпадает с родословной нашего Субэдэя (у Чжэлье отца зовут Чжарчиудай, а у Субэдэя – Хабал, а его единственный брат имеет имя не Чжэлье, а Хулухур). Путаница эта происходит по простой причине – сложные монгольские имена, составленные из 2–3 слов, часто по тексту СС (т.е. «Сокровенного сказания» – В.З.) разрываются, и в разных местах используется то одна часть, то другая. Поэтому и Чаурхан-Субеетай-баатура то называют Чаурханом, то он в тексте просто Субеетай. Чаурхан-Субеетай-баатур пропадает со страниц СС примерно в 1203 г. после сражения на Мао-Ундур. Когда компилировался текст СС, его имя и жизнь в памяти потомков уже сливались с жизнью и именем другого знаменитого урянхайца – полководца Субэдэя» [Храпачевский, 2011. С. 172].

После приведения «явных» на первый взгляд доказательств сосуществования двух Субэдэев можно было бы приступить к детальному разбору приведенного выше фрагмента, однако прежде следует упомянуть о том, что на страницах летописи Рашид ад-Дина присутствует еще один Субэдэй – «третий» по счету ... Персидский автор, повествуя о Великом рейде, совершенном Джэбэ и Субэдэем в 1219–1223 гг., внезапно, противореча самому себе, оставляет запись, согласно которой последний происходил «из (племени) джалаир» [Рашид ад-Дин, 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 194]. Так что же, может быть, это свидетельство необходимо возвести в ранг абсолютно достоверного и строить новые гипотезы? Конечно нет! Очевидно, что служившими в канцелярии Рашид ад-Дина составителями летописи либо более поздними переписчиками была допущена элементарная и несуразная описка, которая, по сути своей, вообще не заслуживает столь пристального внимания, но тем не менее в свете раскрываемой нами темы может послужить катализатором в процессе критического разбора материала, касающегося происхождения Субэдэя и первого года его службы у Чингисхана, являя собой пример того, что от подобных ошибок (или искаженного представления материала)

не застрахованы и другие заслуживающие высокой степени доверия источники, и в частности «Юань ши» и «Сокровенное сказание».

Но вернемся к версии Р.П. Храпачевского. В первую очередь, вызывает вопрос дата появления Субэдэя в ближайшем окружении Тэмуджина и утверждение, что событие это произошло «около 1186 г.» [Храпачевский, 2011. С. 172], то есть в момент размежевания Тэмуджина и Джамухи. Действительно, при беглом рассмотрении различных переводов текста «Сокровенного сказания» может показаться, что так оно и случилось на самом деле, поскольку на следующее утро после откочевки обока Тэмуджина от Джамухи к главе борджигинов (не иначе как чудом) присоединилось несколько десятков отчаянных воинов из самых разных племен, и среди них Субэдэй [Козин, 1941, С. 107, § 120; Кафаров, 1866. С. 59–60; Чингисиана, 2009. С. 92; Данзан Лубсан, 1973. С. 96–97].

В данном случае перед нами явный парадокс: несмотря на то, что Тэмуджин снимается со стоянки ночью и, судя по всему, тайно [Козин, 1941. С. 106, § 118], к нему уже на следующий день являются представители девятнадцати (!) родов и «бьют челом»³. И вновь зададимся вопросом: а могло ли такое произойти спонтанно? С огромной долей вероятности, не могло. Надо полагать, что подобная акция, объединившая представителей подавляющего большинства тогда еще разрозненных (после распада Хамаг Монгол Улус⁴) монгольских племен, должна была готовиться не один месяц, а может быть и год. Для того, чтобы привлечь на свою сторону людей, ставших впоследствии «цветом» монгольской воинской элиты, Тэмуджину потребовалось время, а значит, на самом деле их прибытие в стан произошло несколькими годами позже, а именно в 1189 г. Тогда же был созван курултай, на котором кочевая знать наделила Тэмуджина титулом Чингисхан. Косвенно подобное предположение подтверждает автор «Сокровенного сказания», так как в контексте повествования он сливает в единый временной отрезок обстоятельства курултая (а в его дате никто не сомневается), присоединение к Тэмуджину кочевой вольницы – представителей 19 указанных племен – и появление рядом с ним монгольских аристократов – потомков ханов Хабула и Хутулы [Козин, 1941. С. 107–109].

Итак, судя по всему, служебная карьера Субэдэя началась отнюдь не в 1186 г., как пишет Р.П. Храпачевский, а непосредственно в 1189, когда наш герой в возрасте четырнадц

³ «Сокровенное сказание» перечисляет племена, представители которых явились к Тэмуджину. Это джалаир, тархун, кият, барлас, мангут, арулат, урянхай, бесуд, сулдус, хонхотан, сукеген, дорбен, олхонут, неудай, горлос, икирес, ноякин, оронар, баарин [Козин, 1941. С. 107, § 120].

⁴ Хамаг Монгол Улус, или «Все Монголь», – первое монгольское ханство, существовавшее в первой половине XII века.

цати лет стал одним из «ближников» Чингисхана⁵. Естественно, отроку была уготована участь слуги – денщика, постельничего, телохранителя, и свидетельством тому является клятва, данная Субэдэем своему сюзерену, в которой он, изливая верноподданнические чувства, произнес следующую фразу: *«Я войлочной попоной стану, // Твоим плащом, твоей накидкой, // Решеткой в юрте стану частой, // Что преграждает вход врагу»* [Чингисиана, 2009. С. 97]. Естественно, рядовой в звании и юный то ли дворовый, то ли домашний слуга, занимавший нижний ряд в Чингисовой иерархии, а попросту квалифицировавшийся «вратарем... у порога» [Козин, 1941. С. 138, § 180], не мог претендовать, даже имея такого брата, как Джэлмэ, на «почетную приставку багур к (своему – В.З.) имени» [Храпачевский, 2011. С. 172], коей Субэдэй надделен на тот момент в текстах «Сокровенного сказания» [Козин, 1941. С. 107, 110], а потому отрицание наличия у него титула «багатур» не вызывает сенсации – его по определению быть не могло.

Однако следует учитывать, что «Сокровенное сказание» было записано в 1240 г. [Козин, 1941. С. 199], то есть в момент, когда Субэдэй хотя и не находился в Монголии⁶, но пользовался гигантским властным потенциалом и уважением в среде имперских элит, а значит, и автору «Сокровенного сказания» незачем было акцентировать внимание на том, багатуром он был в то давнее время или нет, – он попросту конкретизировал, что речь идет о том самом Субэдэе, который сейчас прижимает к ногтю Европу. И в этом нет ничего удивительного, тем более что аналогов в мировой истории не счесть.

Еще больше противоречий, касающихся происхождения Субэдэя, вызывает вопрос о его имени, сдвоенном в монгольском источнике, называющем его «Чаурхан-Субеетай-Баатур» [Козин, 1941. С. 107]. Исходя из этого, Р.П. Храпачевский, строго придерживаясь данных «Юань ши», согласно которым «истинный» Субэдэй появился в окружении Чингисхана лишь летом 1203 года [Храпачевский, 2011. С. 172; Юань ши, 2009. С. 226], предполагает, что Чаурхан-Субеетай «пропадает» со страниц «Сокровенного сказания» в тот же 1203 год, но весной – после сражения при Мао-Ундур [Храпачевский, 2011. С. 172; Козин, 1941. С. 130]. В данном случае необходимо напомнить, что Чаурхан-Субеетай, упоминавшийся «Сокровенным сказанием» всего единожды, «пропал» из повествования четырнадцатью

годами ранее, ибо на курултае 1189 г. он фигурирует исключительно в качестве «Субеетай-Баатура» [Козин, 1941. С. 110], то есть под именем, под которым он впоследствии прославился как великий полководец. И здесь возникает еще один вопрос: а кто такой тогда Чаурхан? Как ни странно, ответ на него элементарен – Чаурхан являлся старшим после Джэлмэ братом Субэдэя, и никакого секрета в этом нет.

Если в «Сокровенном сказании» в переводе С.А. Козина, и «Алтан Тобчи» Л. Данзана присутствуют записи, сдваивающие имена, как то «Чаурхан-Субеетай» [Козин, 1941. С. 107] или «Чорган-Субэггэтэй-багатур» [Кафаров, 1866. С. 97], которые по некоей причине (ее мы разберем ниже) воспринимаются как имя одного человека, то в варианте перевода «Сокровенного сказания» П.И. Кафарова и в новейшем переводе источника, выполненном А. Мелехиным, Чаурхан и Субэдэй обозначены как родные братья. П.И. Кафаров: *«...пришли также (к Тэмуджину – В.З.)... младшие братья Чжэньмэ, Чаурхан и Субеэтай»* [Кафаров, 1866. С. 60]. А Мелехин: *«...пришли и воссоединились с Зелмэ (Джэлмэ – В.З.) его младшие братья Чаурхан и Субэггэдэй-батор»* [Чингисиана, 2009. С. 92]. Наконец, в «классическом», С.А. Козина, переводе «Сокровенного сказания» без особого труда (следует лишь быть повнимательнее) можно найти фрагменты, где, казалось бы, слитые один раз воедино Чаурхан и Субэдэй в новых обстоятельствах фигурируют как абсолютно разные люди. Так, на все том же памятном курултае 1189 г. Чаурхан, наряду с наиболее опытными воинами, был назначен разведчиком, а Субэдэй произносит клятву-монолог и служит при особе хана. Монгольский источник гласит, что Чингисхан «Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: *„Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими дальними стрельцами – хоорцах, ближними стрелками – одора!“*. А Субеетай-Баатур сказал так: *„Обернувшись мышью, буду собирать-запасаать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи!“*...» [Кафаров, 1866. С. 110]. Это ли не доказательство того, что Субэдэй и Чаурхан, одновременно общавшиеся с Чингисханом, разные люди? Остается добавить, что Чаурхан, которого Р.П. Храпачевский по необъяснимым причинам вычеркнул из военно-политической жизни монгольского государства, ссылаясь на то, что он около 1203 г. якобы исчез со страниц «Сокро-

⁵ В том, что Субэдэй с «юных» четырнадцать лет стал служить Чингисхану, ничего феноменального нет. Известно, что другой знаменитый соратник Чингисхана, Мухали, умирая в 1223 г., произнес предсмертную фразу: *«Уж сорок лет как я занимаюсь войною...»* [Бичурин, 2005. С. 93]. Учитывая, что Мухали скончался в возрасте 53 лет, не составляет труда вычислить, что войною он стал «заниматься» с 13 лет...

⁶ С 1236 по 1242 гг. Субэдэй находился в Восточной и Центральной Европе, где осуществлял командование имперским войском монголов.

венного сказания» [Храпачевский, 2011. С. 172], дослужился, по сведениям все того же «Сокровенного сказания», до звания «нойона-тысячника», которым был жалован в 1206 г. [Козин, 1941. С. 158], а затем получил почетное назначение – он стал советником при чингисхановом племяннике Алчидае [Козин, 1941. С. 176]. Следует подчеркнуть, что одновременно с Чаурханом званием нойона-тысячника был жалован и Субэдэй, и если Субэдэй числился в реестре за № 51, то Чаурхан записан под № 59 [Козин, 1941. С. 158, § 202]. Комментарии излишни.

В продолжение темы о сдвоенных, то есть сложных, монгольских именах, подразумевающих под собой одного человека, но сообщающих о двух лицах, следует привести наглядный пример. Самое яркое свидетельство «слияния» двух персонажей в одном имени можно отыскать в труде Н.Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова», основанном на переводах текстов «Юань ши» и «Тхун-цзянь-ган-му» («Китайской всеобщей истории»). В частности, в разделе о пожаловании Угэдэем монгольской знати землями в Китае говорится, что уделом в округе Пьхин-ян (Пинъянфу [Юань ши, 2009. С. 172]) был пожалован Ордо-бату [Бичурин, 2005. С. 182]. Нетрудно догадаться, что под именем Ордо-бату сокрыты имена двух человек, двух сыновей Джучи – Орду и Бату. Впрочем, Орду имел-таки сдвоенное имя – Орду-Ичен, и назван он был Иченом, как сказано в «Муизз ал-ансаб», потому, что имел младшего брата Эсена (Ичена) и «оба (они – В.3.) родились от одной матери (Саркаду-хатун)» [ЗОИ, Т. 1, 2003. С. 437]. Возвращаясь к Субэдэю и Чаурхану, следует предположить зеркально похожую картину: Чаурхан – старший (после Джэлмэ) брат Субэдэя, и оба они родились от одной матери...

И наконец, дабы если и не закрыть проблему «Чаурхана-Субеетая», то, по крайней мере, обозначить неприемлемость скоропалительных тезисов, необходимо обратить внимание на некоторые выводы, изложенные на этот счет Р.П. Храпачевским. Так, объясняя особенности сложных монгольских имен и доказывая свою версию, согласно которой Чаурхан-Субеетай – это один человек, Р.П. Храпачевский приводит не совсем удачный пример, указывая на то, что «знаменитый соратник Чингисхана Хубилай, из обока барулас, тоже имел имя Хубилай-Худус, но чаще всего использовалось в СС его первая часть (т.е. Хубилай – В.3.)» [Храпачевский, 2011.

С. 172, сн. 99]. При ближайшем же рассмотрении более чем вероятен тот факт, что и Хубилай, и Худус разные люди. Подобный вывод напрашивается при более тщательном анализе имен в упоминавшемся выше списке нойонов-тысячников. Как и в случае с Субэдэем и Чаурханом, Хубилай и Худус значатся в том списке отдельно друг от друга: Хубилай записан среди тысячников под № 8, а Худус – под № 48 [Козин, 1941. С. 158]. Правда, есть некая нестыковка, так как Хубилай с Худусом, по-видимому, не были кровными родственниками (разве что кумовьями или побратимами) – первый был родом из обока барлас, а второй, хотя и по версии Рашид ад-Дина, который порою грешит неточностями⁷, принадлежал к племени баарин [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 273]. Но если копнуть поглубже, то и у Худуса можно обнаружить второе имя. В одной части «Сокровенного сказания» он назван Худус-Халчаном [Козин, 1941. С. 144]. В свою очередь, Халчана следует, по-видимому, ассоциировать с Халчжой (Балуган-Калджой) из племени барлас [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 269, сн. 7], также поставленным нойоном-тысячником – за № 53 [Козин, 1941. С. 158]. Круг замкнулся...⁸

Однако куда больше вопросов вызывает утверждение Р.П. Храпачевского относительно иных близких (и не очень) родственников Субэдэя. По «Юань ши» (напомним, что данные китайской хроники взяты Р.П. Храпачевским за основу его версии), Субэдэй являлся сыном Хабала и имел брата Хулухура [Храпачевский, 2011. С. 172; Юань ши, 2009. С. 226]. Согласно же данным «Сокровенного сказания», отцом Субэдэя был Чжарчиудай, а братьями соответственно Джэлмэ и Чаурхан. Надо полагать, монгольское официальное изложение истории правящего дома Чингисидов имеет в деле определения тех или иных нюансов, касающихся происхождения Субэдэя, неоспоримый приоритет, хотя бы уже, как подчеркивалось выше, из-за времени своего создания, ведь оно было записано в 1240 г., то есть еще при жизни полководца и на 130 лет ранее, чем «Юань ши» (составлена в 1369 г. [Юань ши, 2009. С. 15]). Примечательно, что Рашид ад-Дин, повествуя о племени «урянка» и упоминая Субэдэя, подразумевает одного человека, не разделяя его на «сына Чжарчиудая» или «сына Хабала»⁹. Для персидского историка «Субэдай-бахадур» – это человек не только выступающий в одном лице, но главное – человек,

⁷ Вспомним, что Рашид ад-Дин причислял Субэдэя к джелаирам.

⁸ Тот факт, что Худуса окружали представители рода барлас, дает право подвергнуть сомнению запись в летописи Рашид ад-Дина о его «бааринском» происхождении.

⁹ Рашид ад-Дин, резюмируя приводимые им сведения о Субэдэе, подчеркивает, что «обстоятельства Субэдай-нойона (бахадур) приводятся в летописи повсюду» [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 272]. Об «ином» Субэдэе персидский автор умалчивает.

имевший сына Урянхатая (Урянкатая) [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 1, 1952. С. 158], в чем его сведения полностью согласуются с данными «Юань ши».

Что же касается Хулухура, названного китайской хроникой братом Субэдэя [Юань ши, 2009. С. 226], то в данном случае не следует отрицать даже кажущиеся на первый взгляд самими фантастическими гипотезы. При этом необходимо учитывать, что имя Хулухур было весьма редким в среде кочевников, и не исключено, что составители «Юань ши», опять же по причине отдаленности от них событий во времени, могли допустить ошибку и причислить к братьям Субэдэя старшего брата Мухали Хулухуэра [Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 60], тем более что описываемые в «Юань ши» события происходили в 1203 г. в районе озера Балджун, в момент, когда все ближайшие соратники Чингисхана после неудачи при Мао-ундур собрались на относительно небольшой территории и действовали «плечом к плечу» в новых сборных сотнях, в которые воины объединялись из разных подразделений. Таким образом, Субэдэй мог оказаться в одном строю с Хулухуэром (Хулухуром), братом Мухали, и в этом нет ничего удивительного, за исключением разве что того, что в китайский источник закралась досадная ошибка¹⁰.

Развивая тему родственных связей Субэдэя, нельзя не вспомнить о сообщении «Юань ши», указывающем на то, что один из его сородичей, из числа второго поколения от родоначальников обока, некий Бохудук «был известен как чжэлима – человек, составляющий планы и стратегии» [Юань ши, 2009. С. 226]. А так как указанный Бохудук-чжэлима, судя по данным хроники, жил во времена Хабул-хагана (рубеж XI–XII вв.), то очевидно наличие еще одного фатального расхождения в текстах «Юань ши» и «Сокровенного сказания», подчеркивающего, что Джэлмэ и Субэдэй являлись родными братьями и сыновьями одного отца [Козин, 1941. С. 96, 107]. Попытка же Р.П. Храпачевского объяснить параллельное существование Субэдэя и Джэлмэ (Чжэлима) в китайском источнике с Субэдэем и Джэлмэ, запечатленными в источнике монгольском, тем, что имена героев якобы «были просто традиционны для данного обока (т.е. урянхаев – В.З.)» [Юань ши, 2009. С. 287, сн. 609], выглядит не более чем еще одной версией в поддержку материала, изложенного в «Юань ши». Размышления о распространенности имени Субэдэй,

следует считать несостоятельными, так как имя это (Субэдэй, Субеетай и др.) в своем роде единственное¹¹. История не знает другого человека с подобным именем, за исключением разве что одиннадцатого сына Толуя Субэтэя [Рашид ад-Дин, Т. 2, 1960. С. 104, сн. 11], названного, по видимому, в честь великого полководца.

Если рассматривать обстоятельства несения Субэдэем службы Чингисхану начиная с 1189 г. и по вторую половину 1210-х гг., то, согласно утверждениям Р.П. Храпачевского, наш герой хотя и был «поставлен» в 1206 г. «нойоном-тысячником» [Козин, 1941. С. 158], тем не менее, ничем особым не отличался. «Его заслуги, – пишет Р.П. Храпачевский, – неизвестны, так как он не фигурирует в описаниях сражений ни с найманами, ни с тангутами. Во всяком случае, послужной список Субэдэя отмечает его первую награду за военные заслуги от каана только в 1212 г. – Субэдэй «напал на цзиньский Хуаньчжоу, раньше всех взшел [на стены] и занял этот город» [Храпачевский, 2011. С. 173; Юань ши, 2009. С. 226]. Однако, не отрицая заслуг Субэдэя в войне с Цзинь и несмотря на то, что в войне с тангутами (а в данном случае речь, скорее всего, идет о набеге на государство Си Ся в 1205 г. Елюй Ахая [Храпачевский, 2011. С. 169]), Субэдэй не участвовал, и вполне по объективным причинам (о чем будет сказано отдельно), в других случаях он, хотя, может, и не так часто, но находился в эпицентре событий.

В этой связи нельзя умолчать о роли, которую молодой урянхай сыграл в начале 1190-х гг. в одном из конфликтов, произошедших между Чингисханом и его младшим, но честолюбивым братом Хасаром. Дело в том, что в кругу сыновей Есугея не всё и не всегда было чинно и гладко, порою Чингисовы братья, и в первую очередь Хасар, «выпрыгивали из узды», а потому главе борджигинов приходилось регулярно их урезонивать¹². Однажды за излишнюю болтливость был наказан Бельгутаи [Козин, . С. 124], что же касается Хасара, то его своенравие зачастую переклестывало за край, и как-то раз он, в обиде за взбучку, устроенную ему Чингисханом (а поводов для того хватало), «забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями» [Данзан Лубсан, 1973. С. 195]. В погоню за Хасаром был направлен Субэдэй, и после переговоров, применив все свое красноречие и дипломатические способности, он убедил стропти-

¹⁰ О Хулухуре (Хулухуэре) помимо хронистов «Юань ши» и Чжао Хуна сообщает Рашид ад-Дин, упоминая о некоем Хулакуре – сыне Хасара. Однако упомянутый Рашид ад-Дином Хулакур проявил себя на политическом поле Монгольской империи значительно позже описываемых событий, а именно во времена «мятежа» Ариг-Буки, в 1263–1264 гг. [Рашид ад-Дин, Т. 2, 1960. С. 142–143]. Более людей с именем Хулухур (Хулухуэр, Хулакур) в известных источниках не обнаружено.

¹¹ Равно как и имя Джэлмэ. «Второго» Джэлмэ в известных источниках нет.

¹² В данном случае мы не рассматриваем убийство Бектера, свершенное Тэмуджином и Хасаром.

вого Чингисова брата согласиться с аргументами и, подчинившись воле хана, вернуться в ставку последнего [Данзан Лубсан, 1973. С. 197]. Точно датировать произошедшее достаточно сложно по причине «легендарности» случившегося, тем более что ссоры между братьями вспыхивали неоднократно. Подобное событие могло произойти как после битвы при Далан-Балджутах («сражения 13 куреней») в 1191–1192 гг. или окончательного разгрома тайчиутов в 1202 г.¹³ [Чингисиана, 2009. С. 444, 379, 715], так и в момент обострения разногласий Чингисхана с Ван-ханом, когда в силу сложившихся обстоятельств Хасар находился во владениях кераитов, в 1202–1203 гг. [Чингисхан, 2012. С. 103]. Для нас же важен тот факт, что с огромной долей вероятности этот фрагмент из биографии Субэдэя относится ко времени, когда он, по мнению Р.П. Храпачевского, ничем особенным себя не проявил. Но обращаясь к поздним монгольским летописям, и в частности «Золотому сказанию» Мэргэн Гэгэна (1765 г.), мы узнаем, что Субэдэй после оказанной услуги, как человек, сумевший примирить братьев, был назначен ими «домашним учителем» [Чингисиана, 2009. С. 445].

Естественно, скептики вправе привести контраргумент: мол, данные, основанные на поздних источниках, считать абсолютно достоверными не совсем корректно, и, конечно же, с этим нельзя было бы не согласиться, будь подобное сообщение единичным. Однако не только Лубсан Данзан и Мэргэн Гэгэн касаются такого яркого в истории «алтан уруга» происшествия, как умиротворение Субэдэем Хасара. Нельзя не упомянуть и о том, что монгольские летописи, и среди них «Краткое золотое сказание» (авт. неизвестен, 1625 г.), «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна (1662 г.), и другие, более поздние, хроники, в их числе «Хрустальное зеркало» Джамба-Дорджи (1825 г.) [Цендина, 2007. С. 12, 87–92], сообщают об этом кажущемся почти эпическим, но устоявшемся в сознании летописцев, а потому, очевидно, случившемся на самом деле событии. И наконец, ярчайшим подтверждением близости Субэдэя к борджигинам является тот факт, что в 1229 г., очевидно по совокупности заслуг и давнего статуса «домашнего учителя», «Тай-цзун (Угэдэй – В.3.) выдал за Субэдэя принцессу Тумегань (Томегань)» [Юань ши, 2009. С. 229]. Примечательно, что подобный брак по-своему являлся уникальным, так как в период становления Монгольской империи Чингисхан и Чингисиды не имели обычая выдавать царевен за воена-

чальников, пускай и самых выдающихся. Как правило, женщины из «золотого рода» представляли собой разменную монету с целью заключения династических браков с соседними владетелями (Алахуш-дитхури, Худуха-беки) или крупнейшими родовыми вождями (Тохучар)¹⁴, коих необходимо было любыми средствами привлечь на свою сторону. Субэдэй же не относился ни к тем, ни к другим, а выступал в системе монгольской воинской элиты в качестве «служивого человека», получавшего от сюзерена определенные преференции (часть добычи и иные пожалования), но отнюдь не титул ханского зятя (гургена). Касаясь же «принцессы Тумегань», надо отметить, что она занимала весьма высокое, если не высшее положение при дворе в Каракоруме. Так, в «Юань ши» под 1257 г. описана встреча великого каана Мункэ в местности Уруджан (ныне г. Эрэн-Хото АРВМ КНР) с братом Ариг-Букой и своими сыновьями. В списке присутствовавших, наряду с царевичами, значится и принцесса Тумегань [Юань ши, 2009. С. 196].

В дополнение к вышесказанному следует отметить следующее: в самом начале XIII ст. Субэдэй прославился на страницах источников уже не только как миротворец, превратившийся из «домашнего слуги», по сути, рядового кешиктена в «домашнего учителя» – сотника кешига, но и как один из самых преданных воинов-багатуров, окружавших монгольского повелителя, прозванного по праву одним из четырех внушавших страх врагам «бешеных», или «свирепых», или «медноголовых» псов Чингисхана. Но упоминания о Субэдэе как отчаянном, бесстрашном и жестоком рубаке вновь вводят нас в противоречие с доводами Р.П. Храпачевского, уверяющего, что «он не фигурирует в описаниях сражений с найманами» [Храпачевский, 2011. С. 173]. Как же так? Трудно поверить, что автор приведенной фразы не знаком с текстом «Сокровенного сказания». И разве не участвовал наш герой в знаменитой битве, случившейся весной 1204 г. на восточных отрогах Хангайского хребта? Не отвлекаясь на события, предшествовавшие победному для монголов сражению, да и вообще на весь его ход, остановимся лишь на ярком, ставшем хрестоматийным фрагменте, описывающем то кровавое действо. Приводя в тексте диалог Джамухи и Таян-хана, автор «Сказания» повествует: «*В то время (в момент сражения – В.3.), Чжамуха был тоже у Найманей. Таян спросил его: „Кто эти, преследующие наших, как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой*

¹³ В пользу того, что разногласия между Чингисханом и Хасаром могли произойти именно в 1202 г., как минимум свидетельствует старинное монгольское предание «Беседа Хасара и Бельгута со старцем», соотносящее случившееся противостояние братьев с разгромом в том году тайчиутов. Недаром предание начинается со слов: «После стычки с тайчиутами Чингисхан во всеуслышание попрекнул Бэлгудэя...» [Чингисиана, 2009. С. 379].

¹⁴ Алахуш-дитхури – правитель онгутов, Худуха-беки – правитель ойрат, Тохучар – «государь кунгратов».

овчарни?“ Чжамуха отвечал: „Это четыре пса моего Тэмучжиня, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки, у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях, пожирают целовеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюны; они радуются. Эти четыре пса: Чжэбэ, Хубилай, Чжэлмэ и Субэтай“...» [Кафаров, 1866. С. 106]. Как видно, утверждение о том, что Субэдэй в столкновениях с найманами якобы не участвовал, рассыпается, как карточный домик...

Во многом спорным также является предположение Р.П. Храпачевского, касающееся отрицания похода, свершенного Субэдэем в 1205 г. и отображенного в «Сокровенном сказании». Тогда Чингисхан послал его в сторону Дешт-и-Кипчак (Забалхашья), в погоню за бежавшими туда меркитами [Кафаров, 1866. С. 152–153]. Однако дата похода – год 1205-й (год Коровы) вызывает вполне справедливые вопросы, ибо в 1216–1217 гг., также в год Коровы, но по сведениям «Юань ши», Субэдэй был отправлен Чингисханом в том же направлении, с идентичным заданием [Юань ши, 2009. С. 266]. Казалось бы, в текст «Сокровенного сказания» закралась ошибка, потому как в «Юань ши» весьма подробно описано монгольское вторжение в Дешт-и-Кипчак именно в 1216–1217 гг., а о событиях 1205 г. не сказано ни слова, тем более что и Рашид ад-Дин указывает на год 1216-й [Рашид ад-Дин, Т. 1, Кн. 2, 1952. С. 255]. Тем не менее, прежде чем отрицать возможность похода в Дешт-и-Кипчак в 1205 г., необходимо учесть особенности военной доктрины, исповедуемой Чингисханом. Доктрины в данном случае наступательной, одной из составных частей которой являлось немедленное преследование и окончательное уничтожение противника после нанесенного ему поражения, на поле боя или в войне. Случаев подобного преследования, примененного монголами на практике, огромное множество. Так, например, случилось в 1220 г., когда Чингисхан отправил в погоню за хорезмшахом Мухаммедом все того же Субэдэя в паре с Джэбэ, так, по-видимому, было и весной 1205 г., когда после разгрома наймано-меркитских отрядов на реке Бухтарме и гибели меркитского «государя» Тохтоа-беки [Козин, 1941. С. 151] Субэдэю было указано преследовать по горячим следам оставшихся в живых меркитских вождей. Чингисхан, напутствуя своего «воеводу... говорил: „Выйдя из боя бежали меркиты. // Так иногда и с арка-

ном хулан, // Так и олень со стрелой уйдет... // Ты обернись тогда соколом ясным, // С неба на них, Субетай, ты ударь“...» [Козин, 1941. С. 152]. Подтверждением тому, что слова Чингисхана отображали реалии 1205 г. и не представляли собой поздней компиляции, являются как минимум два момента. Во-первых, это ключевая фраза, произнесенная Чингисханом: «Выйдя из боя бежали меркиты», из которой следует, что речь идет о бое на Бахтурме, так как в 1216 г. о каком-либо недавнем столкновении с меркитами нет и речи. Во-вторых, необходимо обратить внимание на четкую последовательность описываемых в «Сокровенном сказании» событий. Действительно, события развивались в едином ключе: 1204 г. – разгром найманов. 1205 г. – разгром меркитов на Бахтурме и преследование их Субэдэем. Пленение и казнь Джамухи. 1206 г. – великий курултай [Козин, 1941. С. 145–171]. Впрочем, «проблема» похода 1205 г., который абсолютно динамично вписывается в хронологию военно-политической обстановки в Центральной Азии самого начала XIII в., достойна отдельного исследования.

Остается добавить, что первую свою награду Субэдэй получил отнюдь не в 1212 г., как полагает Р.П. Храпачевский, когда «государь (Чингисхан за штурм Хуаньчжоу – В.З.) приказал наградить его повозкой золота и шелка» [Юань ши, 2009. С. 226]. Надо полагать, что главной, но далеко не первой наградой для Субэдэя как состоявшегося военачальника было назначение его в 1206 г. «нойоном-тысячником» и слова, сказанные тогда Чингисханом по этому поводу: «Пусть равно также Чжебе с Субетаем начальствуют над теми тысячами, которые они стяжали собственными трудами» [Козин, 1941. С. 168]. Разве могла быть для амбициозного монгольского багатура награда большая, нежели благорасположение великого каана и возведение в разряд кочевой элиты? И что такое «повозка шелка», которая в угаре кровопролитной войны испарится, как будто ее и не было, в сравнении с титулом «нойон» и властью над тысячей воинов и их семействами?

Выводы, последовавшие за рассмотрением вопросов, касающихся происхождения, родственных связей Субэдэй-багатура и начала службы Чингисхану, ни в коей мере не являются истиной в последней инстанции. Надо полагать, что процесс изучения личности Субэдэя и его наследия как великого полководца находится пока в начальной стадии, и сколько еще дискуссий случится по этому поводу...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичурин Н.Я.* (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 476 с.
- Данзан Лубсан.* Алтан тобчи (Золотое сказание) / Пер. с монг., комментарий Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 457 с. (Памятники письменности Востока).
- ЗОИ* – Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могул (Дополнительные сведения) // Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: Тип-я «Наука», 2003. 449 с.
- Кафаров П.И.* (Палладий). Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866. С. 3-258.
- Козин С.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruča tobčian. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
- Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., комментарии Н.Ц. Манкуева // Памятники письменности востока. XXVI. М.: Наука, 1975. 288 с.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
- Чингисиана:* свод свидетельств современников / Пер., сост. и ком. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. 728 с. (Тайны древних цивилизаций).
- Чингисхан.* Сокровенное сказание. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
- Юань ши* (Официальная хроника династии юань) // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: Тип-я «Наука», 2009. 336 с.
- Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
- Цендина А.Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 272 с.

REFERENCES

- Bichurin N.Ya.* (Iakinf). Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova [The story of first four khans from the House of Genghis] // Istoriya mongolov. M.: AST: Tranzitkniga, 2005. 476 s.
- Danzan Lubsan.* Altan tobchi (Zolotoe skazanie) [Altan tobchi (A Golden Tale)] / Per. s mong., kommentariy N.P. Shastinoy. M.: Nauka, 1973. 457 s. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka).
- ZOI* - Muizz al-ansab fi shadzharat salatin mogu (Dopolnitel'nye svedeniya) [Muizz al-ansab fi shadzharat salatim mogu (Additional information)] // Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 1. Arabskie i persidskie sochineniya / Sost. R.P. Khrapachevskiy. M.: Tip-ya «Nauka», 2003. 449 s.
- Kafarov P.I.* (Palladiy). Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane [An Old Mongolian Legend of Genghis Khan] // Trudy chlenov Russkoy dukhovnoy missii v Pekine. T. IV. SPb., 1866. S. 3-258
- Kozin S.* Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un niruča tobčian. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skiy obydennyy izbornik. [The Secret History of the Mongols. Mongolian Chronicle 1240 named Mongrol-un niruča tobčian. Traditional Mongol anthology] T. 1. M.; L.: AN SSSR, 1941. 620 s.
- Men-da bey-lu* (Polnoe opisanie mongolo-tatar) [The full description of Mongol and Tatar population] / Per. s kit., kommentarii N.Ts. Mankueva // Pamyatniki pis'mennosti vostoka. XXVI. M.: Nauka, 1975. 288 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 1. Kn. 2 / Per. s pers. O.I. Smirnovoy. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 315 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 1. Kn. 1 / Per. s pers. L.A. Khetagurova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 222 s.
- Rashid ad-Din.* Sbornik letopisey [A collection of chronicles]. T. 2 / Per. s pers. Yu.P. Verkhovskogo; pod red. I.P. Petrushevskogo. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 248 s.
- Chingisiana:* svod svidetel'stv sovremennikov [Genghisiana: a collection of coevals' accounts] / Per., sost. i kom. A. Melekhina. M.: Eksmo, 2009. 728 s. (Tayny drevnikh tsivilizatsiy).
- Chingiskhan.* Sokrovennoe skazanie [A Secret Tale]. M.: Eksmo, 2012. 480 s.
- Yuan' shi* (Ofitsial'naya khronika dinastii yuan') [An official chronicle of the Yuan Dynasty] // Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 3. Kitayskie i mongol'skie istochniki / Sost. R.P. Khrapachevskiy. M.: Tip-ya «Nauka», 2009. 336 s.
- Khrapachevskiy R.P.* Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi [Mongol Army during the period of Ancient Russia conquest] M.: Kvadriga, 2011. 264 s.
- Tsendina A.D.* Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii [Mongol chronicles of the XVII-XIX centuries: narrative traditions] M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2007. 272 s.